

Неудивительно, что в прошлой жизни новички, включая многих опытных актёров, не любили сниматься в его фильмах.

Старейшина Ли, похоже, решил, что это требование может оказаться слишком сложным для Мо Иня, и сказал:

— Десять минут — это слишком мало, даю тебе тридцать. Через двадцать минут начнём официальную съёмку.

Старейшина Ли поступил из добрых побуждений, считая, что к новичку не стоит быть слишком строгим. Дать больше времени, чтобы Мо Инь мог лучше подготовиться.

Однако Мо Инь, посмотрев на лист бумаги в своих руках, поднял голову и слегка улыбнулся:

— Нет, десяти минут достаточно.

Режиссёр Ван и Старейшина Ли, услышав это, одновременно удивились, обменявшись взглядами.

Такой уверенный?

Неужели им посчастливилось встретить гения актёрского мастерства? Или же Режиссёр Ван ошибся, пригласив самонадеянного и невежественного в актёрском деле посредственника?

Через десять минут Мо Инь отложил лист бумаги в сторону, кивнул Режиссёру Вану и Старейшине Ли, показывая, что готов начать.

Режиссёр Ван ничего не сказал, лишь поднял руку, давая понять, что Мо Инь может действовать полностью по своему усмотрению.

Получив такое разрешение, Мо Инь сразу понял, что нужно делать, и начал действовать так, словно действительно играл роль, не обращая внимания на Режиссёра Вана и Старейшину Ли.

Он сделал несколько шагов по комнате, осмотрелся и направился к восточной стороне.

Там находилось полуоткрытое окно, и послеполуденное солнце ярко освещало это место.

Режиссёр Ван подумал, что Мо Инь хочет встать у окна, используя яркий свет как сцену для выступления, ведь многие так делают на пробах.

Яркий свет помогает смягчить черты лица, создавая определённый эффект красоты. В современном шоу-бизнесе, где «красота превыше всего», это вполне обычное явление.

Режиссёр Ван и Старейшина Ли видели это множество раз, и это уже не могло вызвать у них никакого интереса.

Однако вскоре Режиссёр Ван понял, что ошибся.

Мо Инь не встал под свет. Напротив, он сделал несколько шагов вперёд, остановившись прямо под окном.

Затем он просто сел!

Это окно не было панорамным, его нижний край находился примерно в метре от пола.

Ориентация комнаты была не самой удачной, и солнечный свет, проникающий через окно, не мог осветить всё помещение, создавая слепую зону.

Мо Инь сидел там, не полностью прислоняясь к стене. Одна нога была поднята, а другая опущена, создавая несколько странную позу.

Был самый разгар июля, самое жаркое время года. В комнате работал кондиционер, поэтому окно было закрыто. На Мо Ине была обычная футболка и спортивные штаны. Солнце светило прямо над его головой, а в этом месте было совершенно темно.

Старейшина Ли сначала удивился, не понимая, почему этот новичок выбрал такое место. Что они могли там увидеть?

Но Режиссёр Ван внезапно заволновался:

— Это первая сцена! Он выбрал первую сцену!

Старейшина Ли удивился, с недоумением посмотрев на Режиссёра Вана:

— Что с первой сценой? Я помню, в твоём сценарии было всего несколько строк, и там не было описания окружения.

Сказав это, он нахмурился, взял со стола лист А4 с текстом и снова прочитал:

— Действительно, ничего нет.

Режиссёр Ван ответил:

— Старейшина Ли, вы уже в возрасте и не играли в эту игру. Первая сцена в игре происходит на дереве!

Старейшина Ли переспросил:

— На дереве?

Режиссёр Ван подтвердил:

— Да! В этой сцене Босс подземелья сидит на ветке дерева. Листья густая, поэтому свет тусклый! Именно так!

Режиссёр Ван был очень взволнован:

— В моём сценарии об этом вообще ничего не сказано! А он знает!

Старейшина Ли удивился, снова взглянув на позу Мо Иня.

Одна нога была поднята, другая слегка опущена. Поскольку Мо Инь сидел на ровной поверхности, поза выглядела довольно странной. Старейшина Ли изначально не понимал, почему Мо Инь выбрал такую неэстетичную позу, но теперь после подсказки Режиссёра Вана вдруг понял — это поза сидящего на ветке дерева!

Из-за того, что диаметр ветки был недостаточно большим, одна нога была поднята. А поскольку ветка находилась в воздухе, другая нога висела!

Старейшина Ли спросил:

— Он... тоже играл в ту игру?

Режиссёр Ван ответил:

— Это не просто вопрос игры... Давайте сначала посмотрим.

Старейшина Ли кивнул и замолчал.

Тем временем Мо Инь, не обращая внимания на Режиссёра Вана и Старейшину Ли, уже начал произносить свои реплики.

Режиссёр Ван предоставил пять сцен. Роль Босса подземелья была небольшой, так что эти пять сцен, вероятно, были единственными, которые он смог найти.

Каждая из них была классической.

Из-за особенностей роли Босса подземелья большая часть его сцен происходила в закрытом помещении. Но первая сцена была исключением.

В первой сцене было всего три реплики.

Мо Инь сидел под окном, слегка опустив голову. В тусклом свете его лицо было не видно, но вдруг в тишине раздался его голос:

— Уже целую ночь, а ты всё ещё не устал.

Его голос был мягким, и в нём слышалась улыбка.

Старейшина Ли снова удивился:

— Это не соответствует характеру Босса...

Хотя Босс подземелья появлялся в игре нечасто, его характер был очень ярким. Его можно было описать двумя словами: «холодный» и «одинокий».

Он был заперт в тёмной, окружённой со всех сторон комнате на протяжении сотни лет. Отрезанный от мира, он был одинок и молчалив. Естественно, он был холоднее всех и отстранён от этого мира.

Такой человек мог иметь множество выражений и интонаций, но одно было точно — он не мог говорить с такой улыбчивой и шутливой интонацией!

Это совершенно не соответствовало характеру Босса подземелья!

Но на этот раз Режиссёр Ван не ответил, лишь пристально смотрел на Мо Иня.

Мо Инь, произнеся первую реплику, сделал паузу, наклонил голову, словно слушая чей-то ответ.

Через пять секунд он усмехнулся, поднял голову и откинулся назад:

— Всё ещё тренируешься с мечом? Ты уже целую ночь с ним возишься, неужели это так

интересно?

Из-за этого движения его лицо, до этого скрытое в тени, наконец стало видно. Его брови слегка приподнялись, а на лице была широкая улыбка.

Он прислонился к стене, но казалось, будто он сидит на стволе дерева. Полуденное солнце светило сквозь стекло, и его лучи, проходя через узоры на окне, превращались в маленькие точки света, словно солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву.

Это была юношеская энергия и свобода.

Он поднял правую руку, пальцы слегка сжались, словно он держал что-то. Слегка подняв «предмет», он словно приветствовал кого-то «внизу», как будто там стоял человек с мечом, смотрящий на него.

Мо Инь покачал «предметом» в руке, усмехнулся и лениво продолжил:

— Младший брат, я уже целую ночь тренируюсь с тобой, неужели ты не выпьешь со мной? Это лучшее вино талого снега.

Такое хорошее вино, как ты можешь не выпить со мной?

Я специально подогрел вино и ждал тебя всю ночь.

В его голосе слышалась улыбка, а в его взгляде, когда он поднял глаза, были искры света.

В этот момент вокруг царил тишина.

Мо Инь сидел на полу у окна. На нём была самая обычная футболка, но почему-то Старейшина Ли вдруг почувствовал, что перед ним сидит настоящий ученик из семьи практикующих — одетый в широкие рукава и с короной на голове.

Он сидел на ветке дерева, его длинные одежды свисали. В одной руке он держал меч, в другой — бокал.

Такой человек должен быть невероятно талантливым, он должен быть гениальным. Сидя на дереве, когда он поднимал бокал, его широкие рукава должны были переплетаться с падающими листьями.

Это была красота, которая, пройдя через века, оставалась неизменной.

Закончив три реплики, он закончил сцену.

Мо Инь встал, поправил одежду и, улыбаясь, посмотрел на Режиссёра Вана и Старейшину Ли:

— Всё, Режиссёр Ван, Старейшина Ли.

Сказав это, он спокойно стоял на месте, словно ожидая их оценки.

Старейшина Ли только сейчас пришёл в себя:

— Ты...!

<http://bllate.org/book/16376/1481423>